

ТРУДНАЯ СУДЬБА КРАЕВЕДА

Григорий Дмитриевич Няшин родился 7 (19) августа 1871 г. в казачьей станице Атбасар (ныне город в Казахстане), в семье станичного атамана. По окончании Омской гимназии и юридического факультета Московского университета служил на различных судебных должностях в Омске, Томске, Бийске (следователем), а с 1907 г. и до революции – в Барнауле присяжным поверенным (адвокатом). Был человеком довольно передовых убеждений. Еще в студенческие годы привлекался к жандармскому дознанию за участие «в противозаконном кружке, именуемом «Сибирским землячеством». Будучи адвокатом, неоднократно безвозмездно выступал в судах по защите лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, причем не по их просьбе. Так, в сентябре 1908 г. он защищал демократически настроенных бийских интеллигентов В. И. Петрова, В. М. Яхонтова и Л. П. Ешина, распространявших в городе и уезде листовки антиправительственного содержания.

Кроме адвокатской практики, преподавал историю, литературу и обществоведение в частной женской гимназии М. Ф. Будкевич, состоял членом совета Общества попечения о начальном образовании в Барнауле.

В 1917–1919 гг. был товарищем (заместителем председателя) Барнаульского окружного суда по административному отделению, ведал разбором жалоб на действия местной администрации. С восстановлением советской власти это в вину ему не было поставлено.

В 1920–1931 гг. работал научным сотрудником Алтайского губархива (после упразднения губернии – Барнаульского окружного архивного бюро). Более трех лет возглавлял это учреждение.

За годы революции и гражданской войны архив, один из старейших и богатейших в Сибири, пришел в запущенное состояние. Многие документы и редкие издания были свалены в кучу, помещение не отапливалось, сотрудников не хватало. Положение усугублялось тем, что судьбою архива ведали невежественные люди. Так, в 1921 г. разборочная комиссия из 5 482 рассмотренных дел XVIII–XIX вв. лишь 700 признала заслуживающими хранения, остальные распорядилась уничтожить. В связи с острой нехваткой бумаги для расплодившихся канцелярий было разрешено вырезать чистые листы из архивных дел. Почти каждый день 10–20 добрых молодцев, присланных из разных учреждений, наперегонки кромсали ценнейшие старинные дела, пыль стояла столбом! Проследить, чтобы не пропали ценные документы, было практически невозможно.

А к концу 1921 г., «в целях экономии средств», из 13 сотрудников архива было уволено 10.

Работать в таких условиях было крайне тяжело, но Няшин работал! Ему принадлежит немалая заслуга в становлении Алтайского государственного архива. Одновременно он преподает русский язык, историю и политэкономия в учебных заведениях Барнаула, а также на разных курсах для красноармейцев, милиционеров, рабочих и пр. Но это лишь для того чтобы не умереть с голоду самому и семье. Разруха, дороговизна, нищенская зарплата заставляли.

Работа в архиве сделала его краеведом, и этому увлечению он отдается до конца жизни. Его статьи и заметки об архивных находках все чаще появляются в газете «Красный Алтай» (ныне «Алтайская правда»). Перечень их занял бы слишком много места.

В феврале 1925 г. Няшин выступает на 1-й (и, к сожалению, последней) губернской краеведческой конференции с докладом «Архивное дело в губернии». В том же году он избирается членом Алтайского отдела Русского географического общества, а с мая 1930 г. – ученым секретарем его Совета. С 1928 г. он член совета Барнаульского краеведческого музея и комиссии по охране памятников старины. Там и там Няшин регулярно выступает с докладами и сообщениями; в декабре 1928 г. он представляет Алтай на сессии Сибирского бюро краеведения.

В 1929 г. в Барнауле выходит его брошюра «Некоторые моменты истории Барнаула» – результат многолетних архивных поисков. Она подкупает научной добросовестностью и объективностью

в изложении событий. Брошюра и поныне пользуется спросом у исследователей, у всех интересующихся историей Алтая.

Г. Д. Няшин – один из авторов Сибирской советской энциклопедии. Его перу принадлежат статьи о Ф. В. Геблере, К. Д. Фролове, В. К. Штильке, П. И. Шангине, А. Н. Демидове и некоторых других.

Много сил и времени уделяет он работе в комиссии по охране памятников старины. Большинство их находилось в плачевном состоянии. Вот выдержка из отчета Няшина о проверке Нагорного кладбища (1931): «Бюст Н. М. Ядринцева снят и увезен на Алтметаллзавод; могила В. К. Штильке завалена навозом; с надгробного памятника К. Д. Фролову сняты обе чугунные плиты и отправлены на Алтметаллзавод; сломан и валяется в ограде мраморный крест с памятника на могиле С. И. Гуляева...»

В таком вот состоянии находился Пантеон славы Алтая!.. Добавим к этому, что еще в августе 1924 г. обе плиты с Демидовского столпа (обелиска в честь 100-летия горного дела на Алтае) были отправлены на пароходе «Коммунист» (символично, не правда ли?) в Новониколаевск на переплавку. Примеры можно продолжать и продолжать. Это было воинствующее невежество, порожденное угаром классовой борьбы. Г. Д. Няшин, выступивший в газете «Красный Алтай» 31 мая 1928 г. в защиту памятников старины, был подвергнут разносной критике и откровенным угрозам в той же газете, в статье некоего Евг. Попова под красноречивым заголовком «Воинствующий архивариус» (8 февраля 1930 г.).

Прошу читателя извинить за большую выдержку из этой глумливой статьи, но, мне кажется, она поможет лучше понять, почувствовать, в какой душной обстановке приходилось в те годы жить и работать Няшину и таким, как Няшин – «социально-чуждым элементам». Вот что говорится в этой статье:

«...В анкете на вопрос – состоите ли в партии – Няшин пишет: «Ввиду веских обстоятельств никакой партии не сочувствую». А устно поясняет: «Вступить в партию – это значит потерять человеческое достоинство».

Однажды к этому хранителю достоинства, как к советскому служащему и члену профсоюза, явился представитель воинствующих безбожников³⁰ с антирелигиозной анкетой. На просьбу заполнить

³⁰ *Союз воинствующих безбожников – массовая добровольная общественная организация в СССР в 1925–1947 гг. Союз вел антирелигиозную пропаганду, проща говоря, боролся с «религиозным дурманом» нередко насильственными методами.*

анкету и назвать ряд церквей, которые могут быть использованы под культурные учреждения, Няшин ответил:

– Можете уходить, откуда пришли. Я слишком культурный человек, чтобы голосовать за закрытие церквей и передачу колоколов на нужды индустрии!..

А через несколько дней гражданин Няшин представляет в Союз Рабпрос (работников просвещения – *В. Г.*) объяснение, в котором пишет:

«Заявляю, что, по моему мнению, в Барнауле должны быть сохранены все памятники старины, в том числе Петропавловский собор, Богородская церковь, Захарьевская церковь и кладбищенская церковь с крестами, колоколами и внутренними украшениями, а также здание лютеранской церкви».

К этому заявлению Няшин приложил список «наиболее выдающихся памятников в Барнауле». В частности, к другим достопримечательностям старины архивариус добавил памятник на могиле Н. И. Журина.

Кто такой Журиин, архивариус предусмотрительно умалчивает, но мы знаем: Николай Иванович Журиин – не кто иной, как бывший начальник Алтайского округа, иными словами – губернатор, монархист, негодяй и подлец.

Вот за какие памятники старины печется гражданин Няшин!

По мнению архивариуса, все перечисленные им церкви надо сохранить вместе с колоколами. Удивляемся, как это гражданин Няшин не приписал: «А также со всеми попами, просвирнями и их родственниками, ближними и дальними, как ходячими памятниками отжившей культуры».

Вывод из сказанного может быть один: не по ошибке ли гражданина Няшина держат в окружном архиве?»

Вывод выделен жирным шрифтом с явным намерением, чтобы компетентные органы обратили на него внимание.

Хотелось бы сказать несколько слов в защиту Н. И. Журина. Москвич, выходец из бедной мещанской семьи, он трудом и талантом пробил дорогу в Горный институт. В 1882–1891 гг. был управляющим Алтайским горным округом. Немало сделал для развития образования, науки, культуры в Барнауле. Активно содействовал становлению «Общества попечения о начальном образовании в Барнауле», а также Общества любителей исследования Алтая, в

том и другом был избран почетным председателем и являлся на этом посту отнюдь не свадебным генералом. Не чурался общения с политическими ссыльными и поднадзорными, помогал им в устройстве на работу к неудовольствию жандармского надзора. Вот как отзывался о Журине межевщик П. Н. Соболев, между прочим, тоже из «поднадзорных»:

«Внимательный к чужому мнению, он всегда откликнулся на всякое хорошее и полезное дело и своим примером привлекал других к общественной деятельности».

Еще лучше сказал о нем при отпевании в Дмитриевской церкви протоиерей Иоанн Горетовский: «Это был первый гражданин нашего города не только по своему высокому положению, сколько по своим достоинствам».

Словом, Николай Иванович Журин оставил добрую память на Алтае и называть его негодяем, подлецом может лишь дремучий невежда.

Однако вернемся к Няшину. В 1930 г. членам Географического общества удалось издать 12-й номер «Алтайского сборника» (через 18 лет после 11-го). Няшин поместил в нем статью «Материалы Барнаульского архива о докторе Ф. В. Геблере». Он подготовил несколько статей и для 13-го номера, но выпуск его был запрещен, а в мае 1931 г. прекратило деятельность и Географическое общество, незадолго перед тем переименованное в Алтайское отделение Общества изучения Сибири и ее производительных сил.

Та же участь постигла и все общество, а его руководители (в Новосибирске) по надуманным обвинениям репрессированы как «враги народа».

На смену обществу появилось Барнаульское бюро краеведения, но и оно вскоре распалось, ибо работать в нем стало некому: один за другим были арестованы ведущие краеведы А. П. Велижанин, В. И. Верещагин, П. А. Казанский и другие. Вся их вина состояла в том, что они принадлежали к «социально-чуждому элементу», «бывшим людям».

К той же категории относился и Няшин: сын станичного атамана, царский, затем колчаковский чиновник, вдобавок муж генеральской дочери. Неважно, что он, как и названные выше «бывшие», лояльно относился к советской власти, добросовестно трудился и не помышлял ни о каких заговорах. От ареста его спасла, очевидно,

болезнь. Незадолго перед тем у него умерла жена, и потрясенный ее смертью, он около двух лет тяжело болел.

Летом 1934 г., едва поправившись, он переезжает в село Пospelиху, подальше от всевидящих глаз и всеслышащих ушей чекистов. Там работает учителем немецкого языка в средней школе.

Гордиться бы руководству школы, районному отделу народного образования тем, что в их коллективе появился человек, владеющий четырьмя европейскими языками плюс казахский и украинский, известный краевед, добросовестнейший преподаватель. Но для них он был прежде всего «социально-чуждый элемент», а кругом призывали к бдительности и беспощадно расправлялись с теми, у кого она притупилась.

И вот в сентябре 1937 г. Г. Д. Няшин по вздорному поводу был уволен.

Он вернулся в Барнаул. Около шести лет сухонький, лысый, совершенно седой старичок с пышными белыми усами, почти закрывающими рот, обивал пороги краевых властей, неоднократно писал в Наркомпрос, пытаясь доказать свою невиновность и если не восстановиться на работе, то хотя бы защитить свою честь от несправедливых обвинений. Честь у него, человека старой закваски, была далеко не на последнем месте. Напрасные попытки!..

Уже слабый и больной, Няшин подрабатывает консультациями в архиве, музее (по истории Алтая), краевой библиотеке (по иностранным языкам). Находит время заниматься и краеведением. Только в 1941 г. в «Алтайской правде» появляются его статьи: «Барнаул в XVIII-м веке», «Барнаул в XIX-м веке», «Механикус Ползунов».

21 мая 1943 г. Григорий Дмитриевич Няшин скончался, так и не добившись правды.

Группа друзей обратилась в «Алтайскую правду» с просьбой опубликовать некролог. В нем, в частности, говорилось:

«...Умер автор книги «Некоторые моменты истории Барнаула». В лице Г. Д. Няшина алтайская научная общественность потеряла одного из крупных краеведов. В периодической печати Барнаула и Западной Сибири Г. Д. Няшиным за последние 20 лет напечатано свыше пятидесяти статей и заметок на самые разнообразные краеведческие темы...

Вклад, сделанный Г. Д. Няшиным в прекрасную сокровищницу советской науки, будет служить памятью о скромном интеллигенте, посвятившем половину своей жизни собиранию, научной обработке и публикации краеведческих материалов о родном ему Алтае.

Смерть Г. Д. Няшина должна напомнить алтайской научной общественности, что ряды краеведов, и без того не очень густые, редуют и требуется серьезное пополнение их».

Некролог не был опубликован...